ВСѢ ПРАВА, ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ И ПРАВО ПЕРЕВОДА НА ДРУГІЕ ЯЗЫКИ СОХРАНЕНЫ ЗА «INTERNATIONALE COMMERCIALE REVUE».

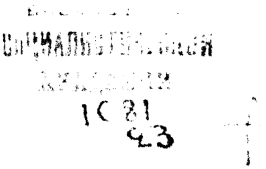
COPYRIGHT 1923 BY THE «INTERNATIONALE COMMERCIALE REVUE», PRAG.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

ДВѢНАДЦАТЬ ПОРТРЕТОВЪ

(ВЪ ФОРМАТѢ «БУДУАРЪ»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„INTERNATIONALE COMMERCIALE REVUE“
ПАРИЖЪ — БЕРЛИНЪ — ПРАГА — С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1923



ОТЪ АВТОРА.

Эта книжка портретовъ — нѣчто среднее между портретной галлереей предковъ и альбомомъ карточекъ антропометрическаго бюро при сыскномъ отдѣленіи.

Во всемъ томъ, что происходитъ въ Россіи, чрезвычайно большую роль сыгралъ Александръ Керенскій. Поэтому я и отвожу ему въ своей портретной галлереѣ цѣлыхъ три мѣста.

Я не далъ портретовъ Ленина и Троцкаго, потому что эти два знаменитыхъ человѣка и такъ уже всѣмъ навязли въ зубахъ.

Вмѣсто нихъ я даю портреты ихъ женъ. Это — элегантнѣе и свѣжѣе.

Какъ я ни хитрилъ, а въ заключеніе долженъ признаться, что изъ всей портретной галлереи мнѣ симпатичнѣе всего послѣдній портретъ — Балтійскаго матроса, въ лицѣ Шкляренко и Бондаря . . .

Аркадій Аверченко.

МАДАМЪ ЛЕНИНА.

Лошадь въ Сенатѣ.

Былъ въ Римѣ такой человѣкъ по имени императоръ Каллигула, а по характеру большой чудакъ... Была у Каллигулы лошадь, которую онъ до того любилъ, что однажды приказалъ сенату выбрать ее въ сенаторы.

Ну, разъ такой человѣкъ, какъ Каллигула, приказываетъ — ослушаться неловко: обидится.

И выбрали лошадь въ сенаторы.

И сидѣла она въ сенатѣ.

*

Вся дѣятельность россійскихъ правителей заключается теперь въ «затыканіи за поясъ» и «утираніи носа».

Заткнули за поясъ Нерона.

Заткнули за поясъ Іоанна Грознаго.

Утерли носъ испанской инквизиціи.

Утерли носъ Варѳоломеевской ночи.

*

А совсѣмъ недавно очень искусно утерли носъ и заткнули за поясъ и лошадь Каллигулы.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое лошадь Каллигулы? Мальчишка и щенокъ! Сидѣла она смирно, положивъ переднія ноги на столъ, и если пользы никакой не приносила, то и особаго вреда не дѣлала.

Въ Совѣтской Россіи появилась новая лошадь Каллигулы — мадамъ Ленина, жена правителя.

Да что одна лошадь Каллигулы!

Передъ мадамъ Лениной поблѣднѣетъ цѣлый табунъ римскихъ лошадей...

Газеты эпически разсказываютъ, что сдѣлала эта активная «лошадь, допущенная въ Сенатъ».

Во время первомайскихъ торжествъ около пятисотъ дѣтишекъ, предводительствуемыхъ новой лошадью Каллигулы — все это, кромѣ лошади, оборванное, голодное, истощенное — отправились на прогулку въ авіаціонный паркъ.

Разъ всѣ обыкновенные парки для прогулокъ вырублены — ясно: лошадь должна вести своихъ маленькихъ плѣнниковъ въ авіаціонный паркъ.

Когда будутъ разобраны на дрова всѣ обыкновенные театры — Лошадь отведетъ свое маленькое умирающее войско въ анатомическій театръ.

Въ паркѣ погуляли, подышали бензиновымъ воздухомъ, потомъ Лошадь выстроила свою босоногую команду и спросила:

— Хотите ли вы, дѣтки, конфектъ?

Только тихій стонъ пронесся по рядамъ.

— Ну, вотъ. Если хотите, то становитесь на колѣнки и просите у вашего Бога конфектъ.

Бѣдныя запуганныя, затруканныя дѣти опустились на колѣни и завопили въ небо:

— Боженька, дай намъ конфектъ!

Лошадь сдѣлала пятиминутную паузу и потомъ, хитро усмѣхаясь, проржала:

— Вотъ видите — какой же это Боженька, который не исполняетъ вашей просьбы... Это все одинъ обманъ. А теперь станьте на колѣни и скажите: «Третій интернаціоналъ, дай намъ конфектъ!».

Петербургскіе дѣтишки теперь такой народъ, что если ты ихъ заставишь просить конфектъ у бурой свиньи гоголевскаго Ивана Никифоровича — они и тутъ покорно станутъ на колѣни.

Опустились дѣтки на колѣни и, простирая руки, завопили въ небо:

— Третій интернаціоналъ! Дай намъ конфектокъ!

И что же? О чудо! Сейчасъ же неподалеку поднялся аэропланъ, закружился надъ дѣтишками и сталъ осыпать ихъ плохими паточными леденцами. Дѣти боролись, возились и дрались на грязной землѣ, чтобы больше захватить драгоцѣннаго лакомства, а Лошадь изъ Сената стояла тутъ же и, довольная, радостно ржала.

А еще вотъ для Лошади хорошій рецептъ: взять голоднаго ребенка и съ помощью хорошей

розги выдрессировать для слѣдующей штуки: положивъ на носъ кусочекъ бѣлой булки, сказать:

— Во имя Божіе — ѣшь!

Выдрессированный ребенокъ стоитъ, какъ каменный, и смотритъ на васъ собачьими глазами.

— Во имя справедливости и милосердія — ѣшь!

Стоитъ ребенокъ какъ каменный.

— Во имя Третьяго Интернаціонала — пиль!

Кусочекъ булки моментально взлетаетъ и черезъ секунду хруститъ на голодныхъ зубахъ.

Вотъ настоящая забава — даже не для самого Каллигулы, а для его Лошади... Каллигула просто зарѣжетъ ребенка, но не станетъ надъ нимъ измываться.

*

Интересно, когда Лошадь послѣ праздника вернулась въ свою роскошную конюшню — пришла ли ей хоть на секунду въ убогую лошадиную голову такая мысль:

— Мы издѣваемся надъ именемъ Божіимъ и топчемъ Его въ грязь. А Онъ насъ не наказываетъ — значитъ, Его нѣтъ.

И если она это подумала, то наружно въ этотъ моментъ ничего не случилось, громъ не загремѣлъ, молнія не засверкала и потолокъ не расплющилъ Лошади.

Но гдѣ-то въ безпредѣльной высотѣ и глубинѣ взметнулся невидимый жесткій и сухой бичъ и хлестнулъ поперекъ всея Россіи...

Земля потрескалась, злаки приникли къ раскаленной почвѣ и двадцать милліоновъ народа — того народа, который допустилъ среди себя хулу и униженія Бога — поползли съ родныхъ мѣстъ невѣдомо куда, устилая трупами сухой проклятый путь свой...

МАДАМЪ ТРОЦКАЯ.

Шапка Мономаха.

Сегодня мадамъ Троцкая никого не принимаетъ. У нея съ утра мигрень, кислое настроеніе, и даже ея постоянные посѣтители, два Аякса — Клембовскій и Гуторъ, просидѣвши въ передней сорокъ минутъ — уѣхали, не повидавъ своей повелительницы.

Только когда доложили о приходѣ ея любимца — генерала Парскаго — мадамъ Троцкая немного оживилась и приказала просить.

— Ахъ, монъ женераль, — протянула она, капризно выпятивъ губки, — у меня сегодня такое настроеніе, что впору самой къ стѣнкѣ стать.

— А что такое? — озабоченно спросилъ Парскій, склонясь къ протянутой ручкѣ.

— Скучно. Мнѣ чего-то хочется, а чего — и сама не знаю. Знаете что, генералъ. Я хочу, чтобы вы устроили мнѣ дворъ.

— А что? Опять грязь развели канальи? Сегодня же прикажу вымести и убрать пустые ящики.

— Какой вы смѣшной, монъ женераль. Я вамъ не о такомъ дворѣ говорю, который изъ окна виденъ, а о настоящемъ придворномъ дворѣ. У насъ при дворѣ нѣтъ настоящаго блеска, настоящаго изящества, а Левѣ хоть колъ на головѣ теши — никакого вниманія. Я пробовала сама что-нибудь сдѣлать — ничего не выходитъ.

— Да, это трудно, — призадумавшись, отвѣчалъ Парскій.

— Еще бы. Вы знаете, я основала благотворительное общество Краснаго Креста и попросила назначить себя почетной предсѣдательницей и покровительницей — а что вышло? На первомъ же торжественномъ засѣданіи секретарь общества стащилъ у меня соболій палантинъ и вымѣнялъ на полъ пуда сахару.

— Неужели только полъ пуда дали? — оживился Парскій.

— Ахъ, монъ женераль, вы совсѣмъ не тѣмъ интересуетесь, чѣмъ надо. Полъ пуда или пудъ— сэтъ эгаль. Пришло мнѣ позавчера въ голову — имѣть своего придворнаго поэта — помните, какъ Мольеръ былъ. Я и позвала Маяковскаго. Посидѣлъ полчаса, выпилъ полторы бутылки коньяку, набилъ всѣ карманы печеньемъ, обкусалъ ногти, плюнулъ три раза на коверъ и ушелъ, даже не попрощавшись. Неужели и Пушкинъ и Лермонтовъ были такіе? Генералъ, устройте мнѣ дворъ!

— Понимаете, это очень сложная вещь. Нужно, чтобы было много блестящей молодежи... У Васъ есть родственники?

— Конечно, есть. И въ Житомірѣ есть, и въ Елисаветградѣ. Одинъ племянникъ, Сеня — онъ на станціи Одесса-Товарная съ хлѣбомъ работалъ — на дняхъ заявляется ко мнѣ и проситъ: «Тетя, — говоритъ, — вы теперь совсѣмъ, какъ королева — сдѣлайте меня виконтомъ». — «Сеня, — говорю я ему, — какой изъ тебя можетъ быть виконтъ, когда ты каучуковые воротнички носишь и у тебя всегда подъ носомъ красно». — «Тетя, — говоритъ, — когда буду виконтомъ, вмѣсто линолевыхъ воротничковъ надѣну жабо, а что касается краснаго, такъ вы же сами знаете, что у меня хроническій насморкъ».

— Да, — задумчиво покачалъ головой Парскій. — Этотъ, пожалуй, на роль петиметра не подойдетъ.

— Ну, развѣ же это не обидно? Теперь, когда мой Левочка разговариваетъ съ державами Согласія, заложивъ ногу-на-ногу, а руки въ карманахъ — такъ для этого же нуженъ пышный блескъ. А гдѣ онъ? Нужна придворная жизнь, а гдѣ она? Мадамъ Каменева совѣтовала мнѣ: — «Фаничка, — говоритъ она, — Фаничка! Набери себѣ побольше фрейлинъ и чтобы онѣ присутствовали при твоемъ ложеніи и вставаніи».

Это легко сказать — набери. А какъ я съ ними должна обращаться — я и не знаю. Могу

я послать ее сбѣгать въ Продкомъ за сотней папиросъ, или для этого пажъ долженъ быть? Должна я съ ними здороваться за ручку или онѣ мнѣ должны цѣловать ручку? Прямо таки, цѣлый рядъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Генералъ, устройте мнѣ дворъ.

— А вы хотѣли бы, приблизительно, въ стилѣ какой эпохи?

— Что бы вы сказали про Наполеоновскій? Пышный дворъ, всѣ маршалы изъ солдатъ, Лева ходитъ одѣтый въ лососиновые штаны, а у меня талія высоко-высоко, совсѣмъ подъ груди. Мадамъ Каменева говорила мнѣ: «Фаничка, вамъ это замѣчательно пойдетъ».

— А, можетъ быть, Вамъ больше улыбается Екатерининская эпоха?—тономъ моднаго портного, предлагающаго ходкій фасончикъ, сказалъ Парскій.

— Это тоже ничего себѣ эпоха. Фижмы, парики, графъ Зубовъ. И мнѣ нравится, что Екатерина переписывалась съ Дидро и Вольтеромъ. Я тоже, знаете, попробовала написать Анатолю Франсу, да отвѣта не получила. Или марку забыла наклеить или тогда почта была лучше, чѣмъ теперь. А Луначарскій даже обѣщалъ, что Пролеткультъ издастъ мою переписку съ Анатолемъ Франсомъ. Послушайте. А что вы скажете о дворѣ Людовиковъ?

— Хорошіе были дворы, — похвалилъ Парскій.

— И знаете, вы были бы моими тремя мушкетерами: вы, Гуторъ и Клембовскій.

— А знаете, вы, дѣйствительно, напоминаете лицомъ Анну Австрійскую.

— Серьезно? Мерси. Ахъ, герцогъ Букотамъ, ахъ, брилліантовые наконечники! А Дзержинскій былъ бы кардиналомъ Ришелье.... Да... Только вѣдь Людовики плохо кончили. Я не хотѣла бы для Левы такой карьеры.

— А не хотите Людовиковъ — возьмите эпоху Цезарей. Вотъ была красота, вотъ блескъ! Устройте циркъ на сто тысячъ человѣкъ и скажите Дзержинскому, чтобы онъ, вмѣсто своего дурацкаго «къ стѣнкѣ», выпускалъ на саботажниковъ дикихъ звѣрей. Жестоко, но красиво.

— А гдѣ же Дзержинскій дикихъ звѣрей достанетъ? Гамбургскій Гагенбекъ на товарообмѣнъ не пойдетъ.

— А въ Зоологическомъ?

— Ну, дѣйствительно. Всѣ хищные давно передохли. Остались одни филины, да павлины. Такъ если этихъ звѣрей выпустить на голодныхъ буржуевъ, такъ не звѣри ихъ съѣдятъ, а они звѣрей слопаютъ. И потомъ эпоха Цезарей не для нашего климата...

— А, кстати, о климатѣ. Вы мнѣ прошлый разъ обѣщали дать записочку на два пуда дровъ.

— Да вѣдь вы въ прошломъ мѣсяцѣ уже получили.

— Не понимаю, чего вы жметесь, ваше королевское величество. Ваши предки раздавали придворнымъ, поддерживавшимъ ихъ престолъ, цѣлые города, помѣстья и лѣса, а изъ васъ дюжину полѣньевъ нельзя вытянуть.... Пишите записку!

— Ахъ, монъ женераль! Недаромъ намъ, правящимъ сферамъ, приходится часто восклицать: «какъ тяжела ты, шапка Мономаха!». Довольно съ Васъ будетъ и пудика.

ФЕЛИКСЪ ДЗЕРЖИНСКІЙ.

Кобра въ травѣ.

Знаменитый Совѣтскій чекистъ и палачъ Феликсъ Дзержинскій, по словамъ газетъ, очень любитъ дѣтей. Онъ часто навѣщаетъ дѣтишекъ въ одномъ изъ пріютовъ, находящихся въ его вѣдѣніи, и всегда нянчится съ малютками.

Въ дѣтскомъ пріютѣ — ликованіе:

— Дядя пріѣхалъ! Дядя Феликсъ пріѣхалъ!!

— Тише, дѣтки, не висните такъ на мнѣ. Вишь, ты, пузырь, чуть кобуру не порвалъ. Здравствуйте, товарищъ надзирательница. Ну, какъ поживаютъ мои сиротки?

— Какъ, сиротки? Что вы, товарищъ Дзержинскій! У нихъ у всѣхъ есть отцы и матери.

— Хе-хе. Были-съ. Были да сплыли. Этого бѣленькаго какъ фамилія?

— Зайцевъ.

— Ага, помню. Это совсѣмъ свѣженькій сиротка. Съ позавчерашняго дня. Впрочемъ, папочка его держалъ себя молодцомъ. Не моргнулъ папочка. Какъ его зовутъ? Кажется, Володя? Володя! Хочешь ко мнѣ на колѣнку?

Покатаю, какъ на лошади. Вотъ такъ. Ну, цѣлуй дядю. А это что за дичекъ? Почему волченкомъ смотришь?

— Это Чубуковыхъ сынишка. Все къ мамѣ просится.

— Это какіе Чубуковы?.. Ахъ, помню! Она какія-то заговорщицкія письма хранила. Препикантная женщина! И съ огонькомъ... Мой помощникъ хотѣлъ за ней во время допроса приволокнуться, такъ она, представьте, полураздѣтая — прыгъ въ окно, да внизъ. Вдребезги! Передайте отъ меня сынишкѣ шоколадку. Ну, а ты, карапузъ? Какъ твоя фамилія?

— Ѳедя Салазкинъ.

— А, Салазкинъ! Твой папа, кажется, профессоромъ?

— Н... не знаю. Его зовутъ Анатолій Львовичъ.

— Во-во. Въ самую точку попалъ. Бойкій мальчуганъ и, кажется, единственный — не сиротка. Ты по воскресеньямъ-то дома бываешь?

— Бываю.

— А папа письма какія-нибудь получаетъ?

— Получаетъ.

— Что за прелестный ребенокъ! Такъ вотъ, Ѳедя, когда папочка получитъ письмецо — ты его потихоньку въ кармашекъ засунь, да мнѣ его сюда и предоставь. А я ужъ тебѣ за это, какъ полагается: и тянучка, и яблоко, румяненькое такое, какъ твои щечки. Только мамочкѣ не проболтайся насчетъ письмеца, ладно? Ну, пойди, попрыгай!.. А ты, дѣвочка, чего плачешь?

— Папу жалко.

— Э-э... Это уже и не хорошо: плакать. Чего жъ тебѣ папу жалко?

— Его въ Че-ка взяли.

— Экіе нехорошіе дяди. За что же его взяли?

— Будто онъ планъ сдѣлалъ. А это и не онъ вовсе. Къ намъ приходилъ такой офицерикъ и онъ съ папочкой...

— Постой, постой, пузырь. Какой офицерикъ? Ты садись ко мнѣ на колѣни и разскажи толкомъ. Какъ фамилія-то офицерика?..

— Какая у тебя красивая цѣпочка. А часики есть?

— Есть.

— Дай послушать, какъ тикаютъ.

— Ну, на. Ты слушай часики, а я тебя буду слушать.

— Постой, дядя Феликсъ! Ты, знаешь, у тебя точно такіе часы, какъ у папы. Даже вензель такой же... и буквочки. Послушай! Да это папины часы.

— Пребойкая дѣвченка — сразу узнала! Твой папочка мнѣ подарилъ.

— Значитъ, онъ тебя любитъ?..

— Еще какъ! Руки цѣловалъ. Ну, такъ кто же этотъ офицерикъ?

*

Уходя, дядя Феликсъ разнѣженно говорилъ:

— Что за прелестныя дѣти, эти сиротки! Только съ ними и отдохнешь душой отъ житейской прозы...

ПЕТЕРСЪ.

Человѣкъ, который убилъ.

Есть такія классическія фразы, которыя будутъ живы и свѣжи и черезъ 200, и черезъ 500, и черезъ 800 лѣтъ.

Напримѣръ:

— Побѣжденнымъ народамъ нужно оставить только одни глаза, чтобы они могли плакать, — сказалъ Бисмаркъ.

— Государство — это я! — воскликнулъ Людовикъ XIV.

— Парижъ стоитъ мессы, — разсудилъ Генрихъ IV, мѣняя одно вѣрованіе на другое.

Впрочемъ, этотъ король показалъ себя съ самой выгодной стороны другимъ своимъ альтруистическимъ изрѣченіемъ:

— Я хотѣлъ бы въ супѣ каждаго изъ моихъ крестьянъ видѣть курицу!

Мы не знаемъ, что хотѣли бы видѣть въ супѣ каждаго изъ своихъ крестьянъ Ленинъ и Троцкій, но знаменитый глава чрезвычаекъ

Петерсъ выразился на этотъ счетъ довольно ясно и точно, и изрѣченіе его мы считаемъ не менѣе замѣчательнымъ, чѣмъ Генриховское.

Именно, по сообщеніямъ газетъ, когда къ нему, какъ къ главѣ города, явились представители ростовскихъ на-Дону трудящихся и заявили, что рабочіе голодаютъ — Петерсъ сказалъ:

— Это вы называете голодомъ?! Развѣ это голодъ, когда ваши ростовскія помойныя ямы биткомъ набиты разными отбросами и остатками?! Вотъ въ Москвѣ, гдѣ помойныя ямы совершенно пусты и чисты — будто вылизаны — вотъ тамъ голодъ!

Итакъ, ростовскіе рабочіе могутъ воскликнуть, какъ запорожскіе казаки:

— Есть еще порохъ въ пороховницахъ! Есть еще полныя помойныя ямы — эти продовольственные склады Совѣтской власти!

Почему-то фраза Петерса промелькнула въ газетахъ совершенно незамѣтно: никто не остановилъ на ней пристальнаго вниманія.

Это несправедливо! Такія изрѣченія не должны забываться...

Моя бы власть — да я бы всюду выпустилъ огромныя афиши съ этимъ изрѣченіемъ, высѣкъ бы его на мраморныхъ плитахъ, впечаталъ бы его въ видѣ отдѣльнаго листа во всѣ дѣтскіе учебники, мои глашатаи громко возвѣщали бы его на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ:

— Пока въ городѣ помойныя ямы полны — почему рабочіе говорятъ о голодѣ?..

*

Интересно, осматривалъ ли Г. Д. Уэллсъ во время своего пребыванія въ Москвѣ — въ числѣ прочихъ чудесъ совѣтской власти — также и помойныя ямы?

Если осматривалъ, то, навѣрное, пришелъ въ восхищеніе:

— Вотъ это санитарія! Вотъ это чистота! Да на днѣ этой помойной ямы можно фоксъ-тротъ танцовать, будто на паркетѣ.

— А у насъ, въ Англіи, въ помойныхъ ямахъ дѣлается чортъ знаетъ что: огрызки хлѣба, куски рыбы, окурки сигаръ, птичьи потроха, высохшіе сандвичи, корки сыру! Нѣтъ, совѣтская власть имѣетъ большое, великое будущее, если даже въ грязной, неряшливой Москвѣ она ввела такую идеальную чистоту!

*

Интересно мнѣ также, какъ тов. Петерсъ будетъ организовывать продовольственную помощь изъ помойныхъ ямъ? Выдачу пайками? Но вѣдь пайки бываютъ трехъ или четырехъ категорій.

Очевидно, въ первую голову будутъ допущены къ пышному фрыштику рабочіе коммунисты — первая категорія. Когда они снимутъ самыя сливки — селедочныя головки и колбасную ко-

журу — робко подойдетъ вторая категорія, просто рабочіе. Выберутъ картофельную шелуху и мостолыгу лошадиной ноги, а все остальное пусть доѣдаетъ третья категорія — буржуи и саботажники.

*

Если бы я былъ не писателемъ, а тюремщикомъ, и если бы Петерсъ попалъ ко мнѣ въ тюрьму, я устроилъ бы ему роскошную жизнь! Я кормилъ бы его до отвалу. Я бы каждый день закатывалъ ему обѣды изъ семи блюдъ, со сладкимъ.

Онъ бы у меня не голодалъ, ибо онъ самъ замѣчательно выразился:

— Пока существуютъ помойныя ямы — голода не можетъ быть!

Меню бы у Петерса было такое:

Закуска:

Икра изъ ваксы, жестянка отъ анчоусовъ, яичная скорлупа, фаршированная зубочистками обернуаръ.

Супъ:

Консоме изъ мыльной воды а-ля Савонъ съ окурками, пирожки изъ папиросныхъ коробокъ съ пепельнымъ фаршемъ...

Рыба:

Селедочный позвоночный столбъ съ грибками, которые на стѣнкахъ.

Мясо:

Фрикассе Ра-Моръ, жареное на шкарѣ въ мышеловкѣ.

Зелень:

Все, что уже позеленѣло. Приготовлено а-ля масседуанъ.

Птица:

Перо отъ старой дамской шляпы, соусъ сюпремъ.

Сладкое:

Шоколадныя обертки, яблочная кожура, кофейная гуща.

*

Я не думаю, чтобы Петерсъ имѣлъ право отказаться отъ такого обѣда.

Потому что, если даже такіе великіе люди, какъ Наполеонъ, Суворовъ и Петръ Великій, честно ѣли пищу изъ общаго котла, то какое имѣютъ право отказаться отъ общаго котла наши циммервальдскіе Наполеоны, устроившіе изъ всей Великой Россіи одинъ общій котелъ: Помойную яму.

МАКСИМЪ ГОРЬКІИ.

Хлѣбъ въ выгребной ямѣ.

У Максима Горькаго есть одинъ разсказъ, который заканчивается такъ:

— Море смѣялось.

Ахъ, многоуважаемый, талантливый Алексѣй Максимычъ! Что тамъ море! Недавно вы сдѣлали нѣчто такое, отъ чего не только море — сухая потрескавшаяся русская земля могла разсмѣяться до истерики, деревья въ лѣсу, нагибаясь къ землѣ и держась вѣтками за стволъ, скрипѣли отъ душившаго ихъ смѣха, мелкіе рыбешки въ рѣкѣ вздулись, полопались и поиздыхали отъ хохота...

Ахъ, какъ вы можете разсмѣшить, Алексѣй Максимычъ!..

Если разсказать вульгарной прозой то, что сдѣлалъ знаменитый пролетарскій «буревѣстникъ» — такъ вотъ какъ оно звучитъ:

Безъ малаго четыре года буревѣстникъ, «ломая крылья, теряя перья» отъ усердія — безъ малаго четыре года славословилъ буревѣстникъ совѣтскую власть.

Державинскія хвалебныя оды казались щенками передъ тѣмъ огромнымъ распухшимъ слономъ, коего создалъ Максимъ Горькій, написавъ ликующую, восторженную оду Ленину...

Въ той компаніи привычныхъ каторжниковъ и перманентныхъ убійцъ, которые правятъ Россіей, Максимъ Горькій былъ своимъ, хорошо принятымъ человѣчкомъ:

И въ почетному углу
Было мѣсто ему...

Правда, онъ былъ только зрителемъ этого нескончаемаго театра грабежей и убійствъ, но сидѣлъ онъ всегда въ первомъ ряду по почетному билету и при всякомъ курбетѣ лицедѣевъ — онъ первый восторженно хлопалъ въ ладошки и оглашалъ спертый «чрезвычайный» воздухъ мягкимъ пролетарскимъ баскомъ:

— Браво, браво! Оч-чень мило. Я всей душой съ вами, товарищи!

Онъ милостиво и снисходительно улыбался, когда его пылкіе друзья половину интеллигенціи, людей искусства и науки — выгнали заграницу, четверть — оптомъ поставили къ стѣнкѣ, а оставшуюся четверть, какъ кроликовъ, приготовленныхъ для вивисекціи, заперли въ душныя вонючія клѣтки, приставили къ нимъ сторожемъ и «хранителемъ этого кроличьяго музея» бывшаго директора кафе-шантана Адольфа Родэ — все это Горькій глоталъ — даже не какъ горькую пилюлю, а по-

добно — да простятъ мнѣ это сравненіе — подобно той коробочкиной свиньѣ въ «Мертвыхъ душахъ», которая мимоходомъ съѣла цыпленка и сама этого не замѣтила.

И вотъ, когда несчастные ученые кролики, доведенные до этого положенія на одну десятую, сотую, тысячную тѣмъ же Горькимъ, стали умирать отъ безкормицы, Горькій растрогался, сердце его умягчилось и пошелъ онъ къ финнамъ:

— Вотъ что, братцы... Тамъ у насъ въ питомникѣ ученые содержатся, такъ того-этого... Мрутъ шибко! Не будетъ ли способія какого? Пожевать бы имъ чего, или изъ бѣльишка старенькаго, или тамъ сапожишекъ. Подайте, Христа ради, знаменитымъ русскимъ ученымъ и писателямъ!..

Растрогались сумрачные финны:

— Извольте, — говорятъ. — Мы вамъ дадимъ кой-чего для ученыхъ, но такъ какъ все ваше начальство — воры и могутъ украсть для себя, то мы все собранное повеземъ сами.

Привезли въ Домъ ученыхъ и писателей и стали дѣлить:

— Александръ Пушкинъ! Вамъ полусапожки и двѣ банки сгущеннаго молока! Иванъ Тургеневъ! Получайте исподнее, фунтикъ сахару и четверку чаю. Выпейте за здоровье богатой и могучей Финляндіи! Менделѣевъ! Свиного сала фунтъ, банка какао и пиджачная тройка — совсѣмъ почти еще крѣпенькая!

Получили Пушкины, Лермонтовы, Менделѣевы и Пироговы по сверточку, какъ дворницкія дѣти на богатой елкѣ, и, сіяющіе отъ счастья, снова расползлись по своимъ клѣткамъ.

Зашелъ потомъ Горькій — тоже сіяющій, — собралъ всю обшарпанную компанію Гоголей, Островскихъ и Лесгафтовъ и гаркнулъ:

— Ну, что ребята! Довольны тѣмъ, что я вамъ схлопоталъ?

— Много довольны, ваше пролетарское величество! — гаркнули въ отвѣтъ полумертвые отъ голода ребята, прижимая къ груди драгоцѣнные сверточки.

— То-то и оно. Вы ужъ старайтесь, а я васъ не забуду. Молочка тамъ или фуфайку какую изъ сосновой шерсти — завсегда устрою.

— Благодаримъ покорнѣйше.

— А впрочемъ, что мнѣ изъ вашей благодарности — шубу шить, что ли? Вы бы мнѣ такой аттестатикъ выдали, адресокъ, гдѣ отписали бы, что такъ, молъ, и такъ, чувствительно благодарны и не забудемъ по гробъ жизни. А я его въ рамочку да на стѣнку — пусть себѣ виситъ; вамъ написать — разъ плюнуть, а мнѣ пріятно.

И вотъ тогда-то и появилась эта потрясающая «благодарность Максиму Горькому отъ имени писателей и ученыхъ».

Писали, очевидно, голодные ученые эту благодарность, глотали соленыя слезы, а сами думали:

— Чортъ съ нимъ, напишемъ пожалостнѣе!.. Все-таки, съ Ленинымъ за ручку здоровается и съ Троцкимъ на ты. Поблагодаримъ — а онъ, можетъ, опять по полфунтика колбасы выдастъ да по связкѣ баранокъ — оно, глядишь, дня три еще протянуть и можно...

Голодъ — не тетка. Написали очень хлестко.

— Зарубежная эмигрантская Русь неправильно оцѣниваетъ благородную работу Горькаго. Мы стоимъ ближе къ дѣлу и свидѣтельствуемъ...

Бѣдные вы, бѣдные... Свидѣтельствуете! А свободно ли вы свидѣтельствуете, знаменитые ученые кролики, запертые въ вонючую клѣтку на предметъ вивисекціи?

И когда писали вы — не звучала ли въ вашихъ ушахъ знаменитая фраза Сквозника-Дмухановскаго:

— А если пріѣдетъ ревизоръ, да будетъ спрашивать — всѣмъ ли довольны, то чтобъ отвѣчали «всѣмъ довольны»... А то я другому недовольному такое неудовольствіе покажу, что...

Море смѣялось...

Море смѣется, Горькій смѣется, у Ленина, по свидѣтельству того-же Горькаго, «мелодичный дѣтскій смѣхъ» — а намъ всѣмъ отсюда, издали — плакать хочется...

ѲЕДОРЪ ШАЛЯПИНЪ.

Хамелеонъ.

Нѣкто переводилъ и объяснялъ слово «хамелеонъ» такъ:

— Хамелеонъ — это хамъ, желающій получить милліонъ.

Не совсѣмъ грамотно.

Но, въ общемъ, вѣрно.

*

Одесскія газеты сообщали:

«Во время исполненія въ Маріинскомъ театрѣ оперы «Евгеній Онѣгинъ» Ѳ. Шаляпинъ, пѣвшій Гремина, сорвалъ съ себя офицерскіе погоны и бросилъ ихъ въ оркестръ — въ знакъ протеста противъ наступленія бѣлогвардейцевъ на Петербургъ».

*

Вотъ маленькая исторія, которая заставила меня призадуматься.

Ибо, какъ сказалъ Шекспиръ, «въ этомъ безуміи есть нѣчто методическое».

До сихъ поръ всѣ такіе зигзаги Шаляпина объясняли просто его повышенной артистической нервностью, вліяніемъ момента, грандіознымъ подъемомъ и невѣроятнымъ напряженіемъ нервовъ на одну минуту. «Сдѣлалъ, молъ, но сдѣлалъ, какъ въ бреду, самъ еще за пять минутъ до этого не зная, что сдѣлаетъ»...

Такъ было объяснено неожиданное пѣніе Θ. Шаляпинымъ революціонной «Дубинушки» въ 1905 году.

Такъ было объяснено неожиданное колѣнопреклоненіе на сценѣ Маріинскаго театра передъ государемъ въ 1909 году.

Такъ будетъ, вѣроятно, объяснено и срываніе погонъ со своего офицерскаго мундира.

Нѣтъ, позвольте! Случай съ погонами — и именно случай съ погонами — наводитъ на самыя категорическія подозрѣнія: не были ли всѣ три поступка поступками, строго обдуманными и заранѣе тщательно выношенными, не были ли всѣ три поступка «экспромптами, приготовленными за недѣлю»?..

Вотъ мои соображенія:

Многіе, вѣроятно, знаютъ, что когда происходитъ тяжелая процедура разжалованія офицера, то ея казовую, самую эффектную сторону подготовляютъ заранѣе: гдѣ-нибудь въ уголку подпарываютъ погоны и подпиливаютъ посрединѣ шпагу...

Понятно, для чего это дѣлается: карающая

власть, прочтя приговоръ, должна быстро и эффектно сорвать съ виновнаго погоны и бросить ихъ на полъ; должна вынуть изъ ноженъ шпагу и, ударивъ ею слегка о колѣно, далеко отбросить обѣ половинки въ разныя стороны...

Предварительныя приготовленія дѣлаются именно для того, чтобы не было смѣшного циркового, фарсоваго трюка, когда уцѣпился человѣкъ за крѣпко пришитые погоны — тянетъ-потянетъ — оторвать не можетъ. Нельзя же таскать за собою человѣка за погонъ, минутъ пять пыхтя и надсаживаясь, нельзя же возиться со шпагой десять минутъ, обливаясь потомъ, колотя ею о распухшее отъ усилій колѣно, наступая на нее ногой и приглашая для завершенія усилій двухъ помощниковъ изъ публики.

Шаляпинъ слишкомъ хорошій, учитывающій всѣ эффекты, всѣ театральныя условности, всѣ красивыя мѣста — актеръ: Шаляпинъ очень хорошо знаетъ, что театральный портной, создавая мундиръ, создаетъ его на десятки лѣтъ, и поэтому всѣ части пригнаны очень крѣпко; портной, въ свою очередь знаетъ, что мундиру князя Гремина никогда не будетъ предстоять операція срыванія погонъ; поэтому погоны пришиты на десятки лѣтъ, на совѣсть!

И поэтому я утверждаю, что эффектная операція срыванія Шаляпинымъ погонъ не была экспромптна, не была слѣдствіемъ бурно налетѣвшаго экстра-переживанія...

Шаляпинъ никогда бы себѣ не позволилъ на

сценѣ некрасиваго пыхтѣнія и возни съ неподатливыми погонами.

Нѣтъ! Въ этомъ безуміи было что-то методическое:

— Гаврила! — сказалъ за день до спектакля знаменитый басъ своему портному. — Гаврила! Подпори на мнѣ погоны въ мундирѣ Гремина!..

— Да зачѣмъ это вамъ, Ѳедоръ Иванычъ?

— Не твое дѣло, братецъ! Тутъ, братъ, высокая политика, а ты — гнида! Сдѣлай такъ, чтобъ на честномъ словѣ держались.

*

Но тогда — позвольте! Тогда и экспромптная исторія съ «Дубинушкой» подмочена; тогда и казусъ съ колѣнопреклоненіемъ очень мнѣ подозрителенъ: да точно ли это бурные, неожиданные, сразу налетѣвшіе шквалы?!

Не было-ли такъ:

1905 годъ. Кабинетъ жандармскаго полковника...

Курьеръ докладываетъ:

— Господинъ Шаляпинъ хотятъ видѣть!

— А-а... Проси, проси!.. Какому счастливому событію обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ, Ѳедоръ Иванычъ?..

— Да такъ... зашелъ просто поболтать, — сочнымъ басомъ отвѣчаетъ знаменитый пѣвецъ. — Ну, что, революціей все занимаетесь, крамолу ловите, хе-хе-хе.

— Да, хе-хе-хе! Приходится.

— Дѣло хорошее. Небось, все молодежь, все горячія головы?..

— Да... большей частью.

— Небось, все «Дубинушка» поютъ?

— Бываетъ.

— Что-жъ вы имъ за эту «дубинушку»? Небось, въ каталажку?

— Ну, что вы! «Дубинушка» — дѣло у насъ невинное... Ну, сдѣлаешь замѣчаніе, ну, поставишь на видъ...

— Только-то? Ну, я пойду. Не буду мѣшать.

И въ тотъ же день Шаляпинъ бодро, грозно, эффектно, съ большимъ революціоннымъ подъемомъ спѣлъ «Дубинушку».

А окружающіе объясняли: такая минута подошла, когда даже камни вопіютъ.

*

А въ лѣто 1909 года позвалъ однажды Шаляпинъ своего портного, вѣроятно, того же самого Гаврилу, и сказалъ ему:

— Завтра къ спектаклю нашей мнѣ на колѣнки штановъ, которые будутъ на мнѣ, нашей изнутри по ватной подушечкѣ. Такъ, чтобы на самыя колѣни приходилось!..

— Да вѣдь некрасиво, Ѳедоръ Ивановичъ... Выпучиваться будетъ.

— А ты не разсуждай. Политика, братъ, дѣло высокое, а ты — кто? Смердъ. Илотъ.

*

Такое мое мнѣніе, что когда Юденичъ войдетъ въ Петроградъ, въ первомъ ряду восторженнаго населенія будетъ стоять Шаляпинъ и, сверкая чудесными очами, запоетъ сочнымъ басомъ «Трехцвѣтный флагъ» Мирона Якобсона.

— Вотъ тебѣ и Шаляпинъ, — благоговѣйно скажутъ въ толпѣ. — Не выдержало русское сердце — запѣлъ экспромптомъ что-то очень хорошее!

А экспромптъ этотъ былъ задуманъ въ тотъ самый день, когда Гаврила погоны подпарывалъ: Гаврила погоны подпарывалъ, а Исайка въ этотъ самый моментъ по порученію своего патрона тихо пробирался черезъ границу въ зону расположенія Добровольческой арміи — за свѣженькимъ экземпляромъ «Трехцвѣтнаго флага».

*

Ахъ, широка, до чрезвычайности широка и разнообразна русская душа!

Многое можетъ вмѣстить въ себя эта широкая русская душа...

И напоминаетъ она мнѣ знаменитую «Плюшкинскую кучу». У Гоголя.

Помните? «Что именно находилось въ кучкѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломлен-

ный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога»...

Такъ и тутъ: все свалено въ самомъ причудливомъ соприкосновеніи: царская жалованная табакерка съ вензелемъ и короной, красная тряпка залитаго кровью загрязненнаго флага, грамота на званіе «солиста его величества», ноты «Интернаціонала» — и тутъ же замѣтно высовывается краешекъ якобсоновскаго «Трехцвѣтнаго флага».

Мала куча — крыши нѣту!

МАРТОВЪ И АБРАМОВИЧЪ.

Сказка про бѣлаго бычка.

Существуютъ на свѣтѣ два молодыхъ человѣка — прекрасныхъ, какъ майское утро, и обаятельныхъ, какъ принцы изъ волшебной сказки...

Это — Мартовъ и Абрамовичъ.

Они — эсдеки.

Они издаютъ газету «Социалистический Вестник».

И носятся слухи, что эту газету даже кто-то читаетъ. Лѣтомъ ея тиражъ больше, зимой меньше. Лѣтомъ, какъ извѣстно, разводятся мухи — этотъ бичъ населенія.

И вотъ, если разложить на столѣ «Социалистический Вестник», онъ черезъ часъ почернѣетъ отъ дохлыхъ мухъ.

Очень полезно.

Если же подойти къ этой газетѣ, какъ къ матеріалу для чтенія, то у читателя получается ощущеніе, какое, вѣроятно, бываетъ у голодной собаки, когда озорный мальчишка даетъ ей про-

глотить кусокъ сала, привязанный къ крѣпкой бичевкѣ, и потомъ начнетъ подергивать за другой конецъ бичевки.

Я полагаю, что собака въ этомъ случаѣ питаетъ страстное желаніе вывернуться наизнанку, только чтобы избавиться отъ навязаннаго ей ощущенія.

Тѣ же эмоціи испытываетъ и читатель, рѣшившій проглотить однимъ духомъ соблазнительное изданіе Радика и Дудика — Мартова и Абрамовича.

Однажды я прочелъ въ этой газетѣ энергичный и трогательный протестъ противъ разстрѣловъ, практикующихся Совѣтской властью.

Мартовъ и Абрамовичъ категорически утверждали, что разстрѣлъ эсдековъ—возмутительный произволъ, и что эсдековъ большевики разстрѣливать не имѣютъ права.

О не-соціалистахъ ничего не было сказано: значитъ, ихъ разстрѣливать можно.

Протестовали и правые эсъ-эры противъ разстрѣловъ правыхъ эсъ-эровъ и лѣвые эсъ-эры протестовали тоже противъ разстрѣла лѣвыхъ эсъ-эровъ.

Вышло какъ-то такъ, что меня — не эсдека и не эсъ-эра — можетъ всякая каналья разстрѣлять, и ни эсдекъ, ни эсъ-эръ даже не почешется.

Такъ какъ я человѣкъ безпартійный, то я собираюсь съузить этотъ принципъ еще больше: меня зовутъ Аркадій, и я накатаю обраще-

ніе ко всему міру съ протестомъ противъ разстрѣла всѣхъ Аркадіевъ.

Разъ человѣкъ носитъ поэтичное имя: Аркадій — не трожь его, скотина! Разстрѣливай Геннадіевъ или Аполлинаріевъ, если ужъ такъ тебѣ приспичило.

Другіе человѣки тоже могутъ организоваться по своимъ отличительнымъ признакамъ: брюнеты напишутъ протестъ противъ разстрѣла брюнетовъ, рыжіе станутъ грудью за рыжихъ, косоглазые за косоглазыхъ и привычные кретины за... впрочемъ, послѣдняго не надо. Уже сдѣлано.

*

Однако, какъ говорятъ французы — «вернемся къ нашимъ баранамъ» — къ Мартову и Абрамовичу.

Итакъ, они энергично протестуютъ: противъ разстрѣловъ эсдековъ, противъ удушенія эсдековской прессы и противъ невключенія эсдековъ въ число правящаго класса.

А представьте вы себѣ такую картину: сидятъ Мартовъ съ Абрамовичемъ у себя въ редакціи, тихо, мирно испускаютъ «Социалистический Вестник» — вдругъ является депутація русскихъ мужичковъ и, повалившись въ ноги, заголоситъ:

— Земля наша очень велика и обильна, большевики вырѣзаны — прійдите княжить и володѣть нами!

Пражскіе эсеры позеленѣютъ и лопнутъ отъ зависти, что не ихъ пригласили править, но Мартову и Абрамовичу уже не до нихъ: мало-ли какіе бѣдные родственники корчатся по переднимъ царственныхъ домовъ.

— Наша взяла! — радостно гаркнетъ Мартовъ и тутъ же покосится на Абрамовича, подумавъ: «Эхъ, хватилъ бы тебя параличъ — можно бы тогда начать устраиваться безъ компаніоновъ!».

А Абрамовичъ крѣпко пожметъ Мартову руку и мелькнетъ въ его свѣтлой головѣ мысль:

— Эхъ, не руку бы тебѣ такъ сжать, а горло! Вѣдь, знаю, поѣду въ Москву — сейчасъ же за мной потащишься!..

Но наружно оба будутъ сіять и, ужимая колѣнами пухлые чемоданы, пообѣщаютъ делегаціи:

— Разъ вы передаете власть въ наши эсдекскія руки — всякій произволъ и насиліе прекратятся! Долой гнетъ печати, долой разстрѣлы и Че-ка!..

*

Вотъ и Москва развернула свои пышныя красоты передъ двумя новыми Рюрикомъ и Синеусомъ.

— Съ чего жъ мы начнемъ? — спросилъ дѣятельный Абрамовичъ. — Надо составить коаліціонное правительство!

Мартовъ поморщился:

— Значитъ, съ эсъ-эрами и кадетами?

— Съ какой радости? Что у насъ меньше-

виковъ мало, что ли? Составимъ коалиціонный кабинетъ изъ меньшевиковъ лѣвыхъ, меньшевиковъ правыхъ и меньшевиковъ такъ себѣ.

*

Пришелъ Абрамовичъ къ Мартову — лица на немъ нѣтъ:

— Вы послушайте какое хамство! Эсъ-эры ругательски изругали насъ въ своей газетѣ за то, что мы ихъ не включили въ кабинетъ! Можете представить — меня назвали бездарнымъ слизнякомъ! По моему, эту ихъ паршивую газету нужно закрыть навсегда!

— Ну, положимъ, — усмѣхнулся Мартовъ. — Это недостаточный мотивъ для закрытія.

— А про васъ написали, что вы пузатый Калигула съ темпераментомъ скопца-мѣнялы!

— Гм... да. Тогда мотивы для закрытія, пожалуй, достаточны. Заготовьте ордерокъ.

*

Снова прибѣжалъ Абрамовичъ къ Мартову — снова лица на немъ нѣтъ. Вмѣсто лица — трагическая маска.

— Послушайте! Послѣ закрытія нами эсеровскихъ и кадетскихъ газетъ — эти каторжники совсѣмъ на стѣну полѣзли: получилъ свѣдѣнія, что они организуютъ заговоръ съ цѣлью насъ свергнуть.

— Кукишъ съ масломъ! — воскликнулъ, съ царственнымъ жестомъ, Мартовъ. — Намъ нужно создать особый органъ, который слѣдилъ

бы за общественной безопасностью и раскрывалъ заговоры.

— Чрезвычайную Комиссію?

— Дубовая голова! Развѣ можемъ мы воскрешать Че-ка, вызвать къ жизни мрачныя страницы большевизма?! Нѣтъ, нужно создать Обыкновенную Комиссію.

— Значитъ Об-ка?

— Об-ка — это звучитъ спокойно и безобидно.

*

Черезъ годъ заграницей встрѣтились двое русскихъ.

— Вы какимъ образомъ изъ Россіи?

— Бѣжалъ отъ ужасовъ Об-ка.

*

Я не моралистъ, но я только хотѣлъ доказать читателямъ — что такое партійная власть.

Всякій человѣкъ, говорящій «А», неизбѣжно произноситъ и слѣдующую букву...

Когда разстрѣливаютъ всю Россію, а Чортъ Иванычъ протестуетъ только противъ разстрѣла Чертей Иванычей, такой человѣкъ у власти будетъ самымъ сугубымъ Нероном, только безъ его умѣнья играть на цитрѣ.

Партійные люди напоминаютъ бездарныхъ съ болѣзненнымъ самолюбіемъ актеровъ.

А вѣдь сказано:

— Не всякій императоръ на мѣстѣ Нерона былъ бы актеромъ, но всякій актеръ на императорскомъ мѣстѣ будетъ Нероном.

КЕРЕНСКІЙ.

(Первый портретъ.)

Человѣкъ со спокойной совѣстью.

Существуетъ прекрасное русское выраженіе:
— Со стыда готовъ сквозь землю провалиться.
Такъ вотъ: я знаю господина, который долженъ былъ бы безпрерывно, перманентно проваливаться со стыда сквозь землю.

Скажемъ такъ: встрѣтилъ этотъ господинъ знакомаго, взглянулъ ему знакомый въ глаза — и моментально провалился мой господинъ сквозь землю... Пронизалъ своей особой весь земной шаръ, вылетѣлъ на поверхность тамъ гдѣ-нибудь, у антиподовъ, посмотрѣлъ ему встрѣчный антиподъ въ глаза — снова провалился сквозь землю мой господинъ и, такимъ образомъ, будь у моего господина хоть какой-нибудь стыдъ — онъ бы долженъ всю свою жизнь проваливаться, пронизывая собою вещество земного шара по всѣмъ направленіямъ...

Но нѣтъ стыда у моего господина и никуда онъ ни разу не провалился; вмѣсто этого пи-

шетъ пышныя статьи, иногда говоритъ пышныя рѣчи, живетъ себѣ на земной корѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и со взглядами встрѣчныхъ перекрещиваетъ свои взгляды, будто его хата совершенно съ краю.

А вѣдь, вдуматься — чортъ его знаетъ, что взваливаетъ жизнь на плечи этого человѣка:

Умеръ поэтъ Блокъ — онъ виноватъ.

Разстрѣляли чекисты 61 человѣка — ученыхъ и писателей — онъ виноватъ.

Умерли отъ голода 2 милліона русскихъ взрослыхъ и милліонъ дѣтей — онъ виноватъ въ такой мѣрѣ, какъ если бы самъ передушилъ всѣхъ и каждаго своими руками.

Милліоны русскихъ бѣженцевъ пухнутъ отъ голода, страдаютъ отъ лишеній, отъ униженій — онъ, онъ, онъ — все это сдѣлалъ онъ.

Господи, Боже ты мой! Да доведись на меня такая огромная, нечеловѣческая страшная отвѣтственность, я отправился бы въ знаменитый Уоллостонскій паркъ, выбралъ бы самое высокое въ мірѣ дерево, самую длинную въ свѣтѣ веревку — да и повѣсился бы на самой верхушкѣ, чтобъ весь міръ видѣлъ, какъ я страдаю отъ мукъ собственной совѣсти.

А мой господинъ, какъ говорятъ хохлы: и байдуже!

Навѣрное, въ тотъ моментъ, какъ я пишу, сидитъ гдѣ-нибудь въ ресторанчикѣ «Золотой Праги», кушаетъ куриную котлетку съ гарниромъ и, запивая ее темнымъ, пѣнистымъ пражскимъ

пивомъ, не моргнувъ глазомъ, читаетъ извѣстія изъ Россіи:

— До сихъ поръ голодъ унесъ до трехъ милліоновъ русскихъ. Къ декабрю должны умереть около десяти милліоновъ, а къ марту, если не будетъ помощи извнѣ — перемретъ вся Россія. («Общее Дѣло». Письмо изъ Петербурга.)

Котлетку кушаете?

Пріятнаго вамъ аппетита, Александръ Ѳедорычъ! Неужели, не подавитесь вашей котлеткой?

Счастливый народъ—эти люди безъ стыда, безъ совѣсти... Невинностью дышетъ открытое лицо, ясные глазки простодушно поглядываютъ на окружающихъ, и весь видъ такъ и говоритъ:

— А что жъ я? Я ничего. Велъ я себя превосходно, былъ и главнокомандующимъ и митрополитомъ, и если мнѣ еще не поставили въ Россіи памятника, то это только потому, что нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ...

Пока вы безмятежно кушаете котлетку, Александръ Ѳедорычъ — позвольте мнѣ ознакомить васъ съ вашимъ формуляромъ, и если хоть одинъ прожеванный кусокъ застрянетъ въ вашемъ горлѣ, значитъ — есть еще Богъ въ небѣ и совѣсть на землѣ...

*

Знаете ли вы, съ какого момента Россія пошла къ погебели? Съ того самаго, когда вы, глава

Россіи, пріѣхали въ министерство и подали курьеру руку.

Ахъ, какъ это глупо было и, — будь вы другой человѣкъ — какъ бы вамъ должно быть сейчасъ мучительно стыдно! Вы тогда думали, что курьеръ такой же человѣкъ, какъ вы. Совершенно вѣрно: такой же. И глаза на мѣстѣ, и кровообращеніе правильное. Но руки ему подавать не слѣдовало, потому что дальше произошло вотъ что: въ первый день вы ему, курьеру, протянули руку, во второй день уже онъ съ вами поздоровался первый (дескать, свой человѣкъ, чего съ нимъ стѣсняться), а на третій день, когда вы сидѣли въ кабинетѣ за министерскимъ столомъ, онъ безъ зова вошелъ въ перевалку, усѣлся на край стола и, закуривъ цыгарку, хлопнулъ васъ по плечу:

— Ну, Сашка-канашка, что новенькаго?

Еще и тогда былъ неупущенный моментъ: дать ему по шеѣ, сбросить со стола и крикнуть: ты забываешься, каналья! П-шелъ вонъ!

Вы этого не сдѣлали, навѣрное, хихикнули, прикурили отъ его папироски и отвѣтили:

— Да вотъ помаленьку спасаю Россію.

Ахъ, какъ стыдно! Ну, на кой чортъ вы полѣзли со своимъ рукопожатіемъ къ курьеру? Развѣ онъ оцѣнилъ? Взобрался вамъ же на шею, гикнулъ и погналъ васъ вскачь не туда, куда бы вамъ хотѣлось, а туда, гдѣ ему удобнѣе.

Не спорю, можетъ быть, персонально этотъ курьеръ — обворожительно свѣтскій человѣкъ, но

вы вѣдь не ему одному протянули руку для пожатія, а всей наглой, хамской части Россіи.

Вскочилъ на васъ хамъ, осѣдлалъ, какъ добраго скакуна, и погналъ прямо на границу — встрѣчать Ленина и Троцкаго.

Не скажете ли вы, что въ прибытіи Ленина и Троцкаго виноваты нѣмцы? Голубчикъ вы мой! Да вѣдь они воевали съ нами. Это было одно изъ средствъ войны. Такъ же они могли бы прислать и поѣздъ съ динамитомъ, съ баллонами удушливаго газа или съ сотней бѣшеныхъ собакъ.

А вы этихъ бѣшеныхъ собакъ приняли съ полковой музыкой и стали охранять такъ заботливо, какъ любящая нянька — шаловливыхъ дѣтей.

Ну, что я могу сказать нѣмцамъ? Скажу: зачѣмъ вы прислали намъ такую ошеломляющую дрянь?

А они мнѣ отвѣтятъ:

— Вольно же вамъ, дуракамъ, было принимать. Мы бы, на вашемъ мѣстѣ, тутъ же на границѣ ихъ и перевѣшали, вродѣ, какъ бываетъ атака удушливыхъ газовъ и контръатака.

А вы? Обрадовались! Товарищи, молъ, пріѣхали! «Здравствуйте, я — ваша тетя! Говорите и дѣлайте, что хотите, у насъ свобода».

И еще одинъ моментъ былъ упущенъ, помните, тогда, у Кшесинской? Одна рота вѣрныхъ солдатъ — и отъ всей этой сволочи и запаху бы

не осталось. И никто не ропталъ бы — такъ бы и присохло.

А вы, вмѣсто этого, стали гонять вашего министра Переверзева на поиски новой квартиры для Ленина и Троцкаго.

Александръ Ѳедоровичъ! Какая у васъ завидная натура... Вѣдь одно это такъ стыдно, будто васъ всенародно на столичной площади высѣкли. А вы теперь, вмѣсто Уоллостонскаго парка, котлетку кушаете, какъ Гоголевскій высѣченный поручикъ когда-то ѣлъ пирожокъ.

Много есть людей, у которыхъ ужасное прошлое, но ни одного я не знаю, у кого бы было такое стыдное прошлое, какъ у васъ. Еще, я понимаю, если бы вы за это деньги получили, но вѣдь безплатно!

У васъ въ рукахъ былъ такой козырь, какъ возстаніе, когда озвѣрѣвшая толпа (я самъ видѣлъ) разрывала большевиковъ на части — какъ вы ликвидировали это настроеніе? Вы, глава государства, запретили печатать документы, уличающіе Ленина и Троцкаго въ полученіи отъ нѣмцевъ денегъ! Троцкій сидитъ въ тюрьмѣ — вы его выпустили, Корниловъ хотѣлъ спасти Россію — вы его погубили. Клялись умереть съ демократіей — удрали на автомобилѣ.

«Волю Россіи» издаете? Куриныя котлетки кушаете?

Съ такимъ-то прошлымъ?

Да вѣдь только два пути и существуетъ: или самое высокое дерево Уоллостонскаго парка, или

монашескій клобукъ, вериги и полная перемѣна имени и фамиліи, чтобы въ маленькомъ монастырькѣ не пахло и духомъ того человѣка, который такъ тщательно, заботливо и аккуратно погубилъ одну шестую часть земной суши, сгноилъ съ голоду полтораста милліоновъ хорошаго народу, того самаго, который въ мартѣ 1917 года выдалъ вамъ авансомъ огромные, прекрасные векселя.

Ловко вы обошлись съ этими векселями!..

Ну, прощайте. Пріятнаго вамъ аппетита!

КЕРЕНСКІЙ.

(Второй портретъ.)

Добрый товарищъ.

Однажды мнѣ снился сонъ... А, впрочемъ, къ чему тамъ жеманничать: никакого сна мнѣ не снилось. Все было на яву, а на сонъ писатели, обыкновенно, сваливаютъ потому, что это считается щегольскимъ литературнымъ пріемомъ.

Дешевый пріемъ, по моему.

Итакъ, на яву произошло вотъ что:

*

Александръ Керенскій сѣлъ въ вагонъ поѣзда, идущаго изъ Парижа, намѣреваясь проѣхать всего четыре станціи, и заговорился — проѣхалъ гораздо дальше.

Собственно заговаривался онъ и прежде, но не съ такими ужасными для него послѣдствіями, какъ на этотъ разъ.

А именно: когда онъ заканчивалъ передъ столпившимися любопытными пассажирами свою одиннадцатую рѣчь о величіи будущей Россіи,

поѣздъ вдругъ остановился, и въ вагонъ ввалилась толпа пограничниковъ...

Ошибиться было невозможно: всѣ они были увѣшаны ружьями, револьверами, на груди у всѣхъ красовались красныя звѣзды, а на звѣздахъ было написано чернымъ по красному: «Р. С. Ф. С. Р.»...

Керенскій даже икнулъ отъ неожиданности и зашатался отъ ужаса:

— Господи! — подумалъ онъ. — Нынѣ отпущаеши раба твоего... Отречемся отъ стараго міра... Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ... Мелькнула шашка — разъ и два — и покатилась голова...

— Товарищи! — проревѣлъ чей-то радостный голосъ, — никакъ самъ Керенскій?! Важнаго карася поймали! Волоки его къ самому къ Троцкому — онъ за его можетъ тыщу пайковъ отсыпетъ на рыло!

Повели.

*

Сколько времени прошло, и какъ, и по какимъ дорогамъ его вели — Керенскій даже долгое время спустя не могъ вспомнить.

Очнулся впервые онъ только тогда, когда охрана, топоча ногами, ввела его въ пріемную и сказала:

— Подожди тута. Сичасъ, братъ, самъ Троцкій выйдетъ.

— «Самъ Троцкій»... — вздохнулъ Керен-

скій. — Интересно, какъ онъ будетъ мучить меня?.. Навѣрное, папиросками будетъ жечь тѣло и запускать подъ ногти деревянныя лучинки... А то и просто застрѣлитъ, какъ собаку.

Дверь изъ кабинета быстро распахнулась. Керенскій покосился однимъ глазомъ и увидѣлъ въ одной рукѣ Троцкаго револьверъ, въ другой — широкій ножъ.

— «Начнемъ, пожалуй», — вспомнились ему слова Ленскаго передъ смертельной дуэлью.

Но, приглядѣвшись, онъ замѣтилъ, что не револьверъ былъ въ рукѣ Троцкаго, а портсигаръ, и не широкій ножъ въ другой рукѣ, а самаго симпатичнаго вида безобидная коньячная бутылка.

— Сейчасъ ахнетъ бутылкой по головѣ, — подумалъ страдалецъ.

— Господи! Кого я вижу! Саша, голубчикъ!! Какими судьбами?.. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Вотъ-то нечаянная радость! А мнѣ какъ разъ нынче всю ночь красный попугай снился! Къ чему бы это, думаю. Все клювикомъ меня за ухомъ щекоталъ. Ну, братъ, разодолжилъ. Радъ, очень радъ тебя видѣть. Какъ живешь? Папироску можно? Сигарку? А то, можетъ, коньячку рюмочку трахнешь съ дороги? Какъ дѣла? Да ты садись, чудакъ — чего стоишь? А мы тебя, братъ Саша, часто съ Володей и Анатоліемъ вспоминаемъ! Да-а... Хорошія времена были. Помнишь, какъ мы съ Володькой съ балкона Кшесинской мантифоліи разводи-

ли... Подумать только — на четыре года моложе были. А помнишь, какъ ты — ах-ха-ха! гонялъ министра Переверзева для анархистовъ помѣщеніе подыскивать? Да, братъ Саша, много воды утекло.

— А онъ, однако же, не гордый, — совсѣмъ успокоившись, подумалъ Керенскій словами гоголевскаго героя. — Обо всемъ разспрашиваетъ.

— Кстати, Саша! А я передъ тобой въ долгу.

— А что такое?

— Да за газету-то, что вы въ Прагѣ съ Зензиновымъ выпускали... Здорово поддержали, шельмецы.

Троцкій подошелъ къ огромному желѣзному шкафу, звякнулъ около него ключами и, обернувшись, спросилъ:

— Сколько?

— Чего сколько?

— Сколько я тебѣ за газетку долженъ?..

— Что ты, — смутился Керенскій. — Мы... совершенно безплатно.

— Да что ты?! Прямо первый разъ слышу. А съ насъ, братъ, всякій тянетъ, кому не лѣнь. И «Дэйли-Геральдъ», и «Юманите», и всякая тамъ рвань. Ну, спасибо. Поддержалъ. Да у тебя чего видъ такой нездоровый? Усталъ?

— Да съ дороги, знаешь... Кхм!

— Ты береги здоровье, Саша. Оно пригодится. Хочешь мы тебѣ профессора пришлемъ?.. Да! А вѣдь я тебя забылъ, шельмеца, за самое главное поблагодарить!

— А что такое?

— Да за Врангеля. Если бы не твоя заграничная работишка — едва ли бы мы съ нимъ справились. Ловко ты его угробилъ.

Троцкій снова подошелъ къ тяжелому шкафу, снова мелодично звякнулъ ключами и обернулся:

— Сколько?

— Чего сколько?

— Да за Врангеля. Мы, братъ, въ долгу никогда не остаемся — всякій трудъ долженъ оплачиваться.

— Помилуй, — смутился снова Керенскій. — Да я совершенно безплатно.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за народъ, — засмѣялся Троцкій. — Не отъ міра сего. Я понимаю, если ужъ продавать что нибудь — такъ гони за это монету, а продавать и ничего не получать — на это способны только круглые идіо... идеологи! Гм... да. Вотъ мы тогда съ Володей маханули у этого нѣмчуры пятьдесятъ милліончиковъ чистоганомъ, — глазомъ не моргнулъ, каналья, — далъ!

— А вы моргали? — пошутилъ Керенскій.

— За насъ, братъ, другіе наморгались достаточно. Да-а... Ну, а мы, братъ, такъ вотъ и живемъ, хлѣбъ жуемъ. Воюемъ вотъ все. Кстати! А вѣдь я тебя за главное забылъ поблагодарить — совсѣмъ изъ ума вонъ. Прямо, братъ, ты золотой человѣкъ у насъ, на рукахъ тебя, канашку, носить бы надо!!

— За что?

— А за резолюцію объ интервенціи. То есть такъ кстати, такъ кстати...

И снова около кассы послышался мелодичный звонъ ключей:

— Сколько?

— Лева, ты меня обижаешь...

— Ну, не буду, не буду. Надѣюсь, ты поживешь у насъ, погостишь, осмотришься?

«Это, однако же, хорошо, — подумалъ Керенскій, — оставятъ они меня у себя, а я возьму и покажусь населенію. Сейчасъ же меня подхватятъ на руки, устроютъ возстаніе, свергнутъ совѣты, народъ выберетъ меня»...

— Право, поживи. Ты не бойся, мы тебѣ охрану дадимъ — сотню красныхъ башкиръ...

— Отъ кого охрану? — удивился Керенскій.

— Какъ отъ кого? Отъ населенія. Я вѣдь ихнее настроеніе знаю: увидятъ тебя — въ ключья! И пуговицы потомъ не отыщешь.

— Нѣтъ, лучше я назадъ, заграницу поѣду, — печально сказалъ Керенскій.

— И то поѣзжай. Тамъ ты гораздо больше пользы принесешь, чѣмъ здѣсь. А знаешь, что мы сдѣлаемъ? Мы тебя заграницу въ пломбированномъ вагонѣ отошлемъ. Ха-ха-ха! Вотъ будетъ штука! Они тогда насъ, а мы имъ теперь тебя. Работай, голубчикъ, работай, не покладая рукъ!! А если тамъ понадобятся деньжата или что...

— Лева, ты меня оскорбляешь. Я развѣ изъ-за денегъ? Я единственно изъ за чистоты партійной программы...

— Впрочемъ, намъ одинъ чортъ — изъ за денегъ ли, изъ за чистоты ли... Еще дешевле! Ну, всѣхъ тебѣ благъ! Зензинова отъ меня чмокни въ щечку, Лебедеву кланяйся... Эй, кто тамъ есть! Вагонъ товарищу Керенскому! Да запломбируйте его покрѣпче, чтобы по дорогѣ никакая дрянь его не обидѣла... Да ковровъ ему положите, чтобы помягче было, да чтобъ тепло ему было — угля побольше, углято! Ну, трогай! Эхъ вы, залетные!

КЕРЕНСКІЙ.

(Третій портретъ.)

Рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица ...

Однажды Александръ Керенскій сидѣлъ среди блестящаго заграничнаго общества и блестяще говорилъ:

— Большевизмъ — это свирѣпый чугунный колоссъ на глиняныхъ ногахъ! Подрубите ему ноги — и онъ рухнетъ. Мы, старые революціонеры...

Мрачный чернобородый нахмуренный человѣкъ вдругъ завозился въ креслѣ и быстро перебилъ:

— Чего, чего?..

— Я говорю, что большевизмъ это — чугунный колоссъ на глинян...

— Нѣтъ, не это! А чего вы сказали: старый-чего?

— Я говорю, что я, какъ старый революціонеръ...

— Это вы-то?

— Ну да, я. А то кто же?

— Послушайте... — вдругъ совсѣмъ тихо,

пониженнымъ голосомъ и очень задушевно заговорилъ чернобородый. — Ну, какой вы революціонеръ? Какъ за копейку постоять. Развѣ такіе революціонеры бываютъ? Большевизмъ уже четвертый годъ, какъ сѣлъ на шею Россіи — а какъ вы съ нимъ боролись? Палецъ-о-палецъ не ударили! Только и дѣлали, что подъ ногами путались — сначала у Корнилова, потомъ у Деникина, у Колчака, а въ концѣ концовъ — у Врангеля... «Мы, старые революціонеры». Эхъ, вы! Молчали бы лучше!

— Однако, послушайте...

— Да чего тамъ слушать! Четыре года слушаемъ васъ, а говорите вы и пишете такъ, будто чешется у меня правая нога, а вы скребете лѣвую.

— Слушайте, я не совѣтовалъ бы со мной такимъ тономъ...

— Дѣйствительно, стану я съ вами тонъ подбирать! Цаца какая! «Старый революціонеръ!». Нѣтъ, братъ, если ты старый революціонеръ — такъ не болтайся здѣсь заграницей, не путайся между ногами у занятыхъ людей, а поѣзжай въ Россію и устраивай тамъ революцію.... А то отсюда-то, братъ, легко кукиши всѣмъ сучить...

Чернобородый былъ твердъ, рѣзокъ, даже грубъ, но говорилъ онъ такимъ тономъ, что нужно было или трахнуть его кулакомъ по темени или покрыть еще болѣе твердымъ тономъ, чѣмъ тотъ, которымъ говорилъ онъ.

Керенскій выбралъ второе:

— И поѣду!

— Куда?

— А въ Россію.

— Ой, заливаешь?

— Виноватъ, я васъ не понимаю...

— Да чего тамъ понимать. Я тебѣ, Сашъ, скажу такъ... (Чернобородый перешелъ опредѣленно на «ты», и голосъ его потемнѣлъ, сдѣлался нѣжнымъ). Я тебѣ, Саша, скажу вотъ что: ежели ты да дѣйствительно поѣдешь въ Россію — первымъ ты для меня человѣкомъ будешь!

— И поѣду. А ты что думаешь? Мои рабочіе, чай, заждались меня! Вотъ-то кому заварю. Я понимаю, что имъ, дѣйствительно, настоящій вождь нуженъ; а безъ вождя они что? Поѣду! Такъ что-то. И, когда я пріѣду, большевики у меня ко всѣмъ чертямъ полетятъ! Вотъ ужъ теперь я церемониться не буду... Нѣ-ѣтъ, братъ! Самъ-съ-усамъ.

— Вотъ это по нашему! Люблю парня за ухватку. А я, братъ, съ тобой вмѣстѣ поѣду. Со мной не пропадешь. Когда ѣдемъ? Завтра?

— Ну, ужъ ты тоже скажешь — завтра... Вотъ бороду отпущу — и поѣдемъ.

— И вѣрно. Отпусти ее, Сашенька, Богъ съ ней. Такъ ѣдемъ, Саша? Ай молодца!

Расцѣловались.

*

Керенскій сидѣлъ дома и никого не принималъ:

— Дома баринъ?

— Такъ точно; дома. Только они заняты.

— Чѣмъ?

— А бороду отпускаютъ.

— Послушай, голубчикъ, какое же это занятіе отпускать бороду? Вѣдь онъ можетъ со мной говорить, а борода, все равно, въ это время будетъ отпускаться.

— Всѣ вы такъ говорите. Не приказано принимать, — значитъ, не приказано.

*

Пароходъ везъ Керенскаго и его новаго чернобородаго друга изъ Константинополя въ Севастополь.

Оба — Керенскій и Чернобородый — стояли, опершись о бортъ, и разговаривали.

Разговоръ былъ нѣсколько односторонній, такъ какъ говорилъ только Керенскій:

— Большевизмъ нужно раздавить однимъ могучимъ ударомъ. Когда я подниму своихъ рабочихъ и вообще весь сознательный пролетаріатъ, они должны сразу накинуться на эту зловонную стоголовую гадину и сразу отсѣчь всѣ сто головъ. Только одинъ натискъ — но быстрый, какъ молнія. И всѣ эти воры и насильники треснутъ, какъ пустой орѣхъ.

— Гм... да, — согласился Чернобородый. — А вотъ и Севастополь виденъ.

— Уже?! Скоро. Интересно, удастся намъ проскочить съ фальшивыми паспортами, или, не дай Богъ, задержатъ? Собственно, я того мнѣнія, что большевизмъ въ своемъ чистомъ видѣ штука не плохая, и если бы его такъ не исказили люди, присосавшіеся...

— Какая красивая бухта, — перебилъ Чернобородый.

— Что бухта! Вы возьмите, какая красота нѣкоторые тезисы ученія Карла Маркса... Я понимаю, почему коммунисты считаютъ Маркса своимъ Евангеліемъ.

— Сторонись! Сходни ставятъ.

— Ахъ, уже сходни... Какое быстрое это морское дѣло. Я теперь понимаю, почему матросы такъ много сдѣлали для Великой Русской Революціи... Вообще, если буржуазія и раздавлена, то только благодаря мощной поддерж...

— Ну, разговорились не во время! Тащите чемоданъ!

— Уже? Ахъ какой красивый городъ! И какой порядокъ, чистота. Вотъ, думаю, при Врангелѣ тутъ безобразіе было... Вообще, эта контръреволюція.

*

Ѣхали на сѣверъ поѣздомъ.

— Какая станція? — спросилъ Керенскій дремлющаго Чернобородаго.

— Мелитополь.

— Уже? Какъ скоро. Третій день всего ѣдемъ

— и уже Мелитополь. А раньше какое безобразіе — чуть не 15 часовъ нужно было тащиться. Нѣтъ, что касается порядка и системы, то въ большевизмѣ есть хорошія сѣмена. Конечно, я террора не одобряю... и удушеніе печати не одобряю... А что рабочіе стали хорошо работать — это нужно коммунистамъ отдать должное.

*

Ѣхали, ѣхали.

— Какая станція?

— Харьковъ.

— Уже? Да вѣдь только двадцать первый день ѣдемъ. Мальчикъ, какая у тебя газета? Коммунистическая? То-то. А если бы была бѣлогвардейская — я бъ тебѣ штанишки спустилъ и по спинѣ похлопалъ — таково больно: не торгуй бѣлогвардейщиной! Конечно, я террора не одобряю, но съ печатью, по моему, поступлено правильно. Дѣйствительно: если меня же, правителя въ моей же странѣ, ругаютъ — неужто я буду молчать? Нѣтъ, товарищи, нужно войти въ положеніе Ленина и Троцкаго!!! Имъ тоже не сладко бремя власти. Для народа только и взвалили себѣ на плечи.

— Тула!

— Тьфу ты, чортъ! Это не товаро-пассажирскій, а какой то поѣздъ-молнія, прости Господи! Второй мѣсяцъ всего ѣдемъ, и уже Тула. А почему такъ быстро? Потому что рабочій народъ въ страхѣ Божьемъ держатъ. Нѣкоторые говорятъ:

«Терроръ, терроръ!». А что такое терроръ — и сами не знаютъ. Терроръ да ежели съ толкомъ примѣнять — такъ это первая штука. Я не спорю, — безъ толку не нужно... Меня, напримѣръ, скажемъ — за что трогать? Никому я зла не дѣлаю, совѣтскую власть уважаю, давеча даже ихъ во дворецъ Кшесинской пустилъ: живите, мнѣ не жалко. Я такой человѣкъ. Я — добрый. Я знаю — коммунисты хорошіе люди, тихіе и хмельнымъ не зашибаютъ. Что это за станція, товарищъ? Москва? А скажите, товарищъ, какъ пройти на то мѣсто, гдѣ похоронены усопшіе при исполненіи обязанностей наши товарищи-коммунисты? Я хотѣлъ бы поклониться ихъ святому праху.

Чернобородый почесалъ бороду, крякнулъ, сплюнулъ и, молча, какъ ошпаренный, выскочилъ изъ вагона...

. . . . . .

БАЛТІЙСКІЙ МАТРОСЪ.

Жизнь и смерть Шкляренки и Бондаря.

До октябрьской революціи образъ балтійскаго матроса былъ ясенъ и прозраченъ, какъ стекло...

Вотъ онъ:

«Боцманматъ съ «Авроры» Никита Шкляренко сдвинулъ на затылокъ шапку, выплюнулъ табачную жвачку, зашелъ въ портовый кабакъ «Тѣ Якоря», хватилъ однимъ духомъ полъ-пинты рому и, ахнувъ могучимъ кулакомъ между лопатокъ своего пріятеля Егора Бондаря, пустился съ нимъ посреди кабака въ плясъ, оглашая воздухъ боевой матросской пѣсней».

Я очень любилъ этотъ безхитростный образъ. Давн любилъ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ въ юности прочелъ незабвенный Стивенсоновскій «Островъ Сокровищъ».

Я очень любилъ эту цѣльную здоровую натуру — могучаго, грубоватаго и добродушнаго матроса, сожженнаго солнцемъ тропиковъ, пропитанн[illegible]о морскими запахами, широкоплечаго,

немного неуклюжаго на сушѣ, покачивающагося во время ходьбы увальня.

Революція совершенно преобразила эту цѣльную монолитную натуру.

Началось съ простого: вдругъ матросъ совершенно забросилъ свой корабль, перешелъ на сушу, вооружился ружьемъ, перепоясался пулеметной лентой и сталъ таскаться по всѣмъ подъѣздамъ, обыскивая и разстрѣливая.

Въ дальнѣйшемъ эволюція матроса пошла еще больше вглубь и вширь: нѣкоторые неуклюже вскарабкались на коней и образовали совершенно неслыханную въ природѣ «матросскую кавалерію»; кое-кто причалилъ къ тихой пристани: устроился комиссаромъ въ какой-нибудь Губчека; а большинство застряло въ «Красномъ Питерѣ» и образовало кадры новой аристократіи.

Уже въ 1918 году можно было видѣть на улицахъ Петербурга эту изысканную публику, одѣтую въ штаны до того широкіе, что казалось, на ногахъ болтались двѣ женскихъ юбки; одѣтую въ традиціонныя голландки, но съ такимъ огромнымъ декольте, на которое свѣтскія дамы никогда бы не осмѣлились.

Эти странные матросы были напудрены, крѣпко надушены; на грубыхъ лапахъ виднѣлись явные слѣды безуспѣшнаго, но усиленнаго маникюра; на ногахъ — туфли съ высокими каблуками и чуть ли не съ лентами; на груди приколота роза.

Такъ вырядился и выродился честный простой русскій матросъ.

Ясно, что на полпути онъ остановиться не могъ: газеты сообщали, что въ столичныхъ театрахъ большинство публики — декольтированные матросы, напудренные, съ подведенными глазами и накрашенными губами; на рукахъ — браслеты, на груди — брилліантовая брошка.

О, бывшій могучій Никита Шкляренко, обвѣянный всѣми вѣтрами, согрѣтый тропическимъ солнцемъ и пропитанный морскимъ соленымъ запахомъ, — о, Никита Шкляренко! Отсюда даже вижу весь «трэнъ» твоей нынѣшней столичной жизни.

Не узнать тебя, о, Никита, выпивавшаго однимъ духомъ полъ-пинты крѣпчайшаго рому и храбро вступавшаго въ бой хоть съ полдюжиной задиристыхъ коллегъ съ англійскаго угольщика.

Вотъ пришелъ ты со своимъ пріятелемъ Егоромъ Бондаремъ въ Александринскій театръ, съ наигранной свѣтской усталостью усѣлись вы оба на мѣста въ ложѣ и тутъ же стали вы оба разглядывать публику: Егорка Бондарь въ перламутровый дамскій бинокль, ты же, о, Никишка Шкляренко, въ лорнетъ.

Сощурили вы оба подрисованные глаза, сжали пренебрежительно накрашенныя губы и, почесавъ могучей пятерней пышное свое декольте — покачали въ тактъ завитыми головами:

— Публика севодни — не охти чтобы какая.

На барьерѣ вашей ложи стоитъ коробка шоколаду, и вы оба, отставивъ могучіе, кривые отъ бывшей возни съ канатами мизинцы, то и дѣло запускаете руку въ коробку.

— Жарко! — говоритъ Шкляренко, утирая напудренный лобъ. — А я вѣеръ дома забылъ. Ахъ, знаешь, кстати, какую я брошку намедни видѣлъ у одного товарища! Прямо — съ блюдце! Полъ-груди закрываетъ. Я на свое колье предлагалъ мѣнку — не хочетъ, сволочь. А што говорютъ, что быдто теперь у волосахъ діадемы уже стали носить. А что такое діадемы — я и не знаю: чи то въ родѣ звѣзды, чи то, какъ на манеръ рога.

— Никишка, чортъ собачій, — нервно перебиваетъ размечтавшагося друга Бондарь. — Ты опять Вѣрой Віолетой надушился?! — Головизна отъ него трещать начинаетъ. Накарай меня Господь — сейчасъ упаду въ обморокъ.

— При чемъ тутъ моя Вѣра Віолета? Просто я говорилъ тебѣ — не затягивай такъ корсетъ! А ты зашнаклевался до отказу!

— Ладно тамъ! Сотри-ка лучше съ бакборта румяны: на самый глазъ въѣхали.

— Это я спѣшилъ: понимаешь, какая теперь дрянь — ожурный чулокъ пошелъ: какъ натянешь, такъ у колѣнки — хрясь! Напополамъ, къ чортовой матери!

— Да... трудно теперь матросу по настоящему одѣться!.. Ни тебѣ кружева къ панталонамъ, ни тебѣ шелковыхъ завязокъ до туфлей...

*

Тихо плещется у горячаго песчанаго берега далекій-далекій зеленый океанъ...

Съ жемчужнымъ шорохомъ догоняетъ одна волна другую и шепчетъ ей:

— ...Однажды нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время бури, долго носила я на своемъ хребтѣ прекрасный русскій корабль... Очень хотѣлось мнѣ утянуть его на дно, но команда корабля сражалась съ бурей, какъ стая львовъ. Что это были за молодцы! И среди нихъ два самыхъ могучихъ отчаянно-храбрыхъ льва — во время минуты затишья я подслушала имена ихъ — то были: матросъ Егоръ Бондарь и боцманматъ Никита Шкляренко!..

Докатилась зеленая волна до берега, разлилась кружевомъ по желтому горячему песку и вздохнула въ послѣдній разъ:

— Гдѣ-то теперь они?

Эхъ, зеленая кружевная океанская волна! Не знаешь ты, матушка, какія на свѣтѣ чудеса бываютъ...

Хочешь, разскажу?

Вотъ лягу грудью на песокъ у самаго того мѣста, гдѣ ты, обезсиленная зноемъ, растекаешься томнымъ лѣнивымъ вѣеромъ, у самыхъ

моихъ губъ и повѣдаю тебѣ окончаніе этой чудесной, диковинной, по русскому, сказки.

*

Шли однажды по Невскому два декольтированныхъ матроса въ лаковыхъ туфляхъ — Никита Шкляренко и Егоръ Бондарь...

Бесѣдовали о своихъ нео-матросскихъ дѣлахъ.

— Говорятъ, что теперь самое модное — какой-то фойфъ-о-клокъ чертячій. А гдѣ его купить и на кое мѣсто нацѣпить — такъ никто и не знаетъ.

И наткнулись они въ этотъ моментъ на группу людей, окружившихъ кого-то.

— А ну разступись, щпана, — гордо сказалъ Егоръ Бондарь. — У чемъ тутъ дѣло?

— Мальчишка съ голоду на мостовой помираетъ, вотъ тебѣ и дѣло.

Бондарь притихъ немного.

— Чего-жъ это онъ! Неужто ѣсть такъ-таки совсѣмъ и нечего?

— Кому — какъ, — отвѣтилъ изъ группы ѣдкій голосъ. — Которые съ брошками на грудяхъ, съ лакомъ на лапахъ — тѣ ѣдятъ первый сортъ. А настоящій народъ шибко мретъ.

— А что жъ я, по твоему, не настоящій народъ? — обидѣлся Бондарь.

— Ты? Да ты бы въ зеркало на себя поглядѣлъ.

Шкляренко обернулся на друга, поглядѣлъ на него новыми, свѣжими глазами и вдругъ шумно расхохотался:

— А вѣдь и вѣрно — чучело съ огорода.

— А ты себя-то видѣлъ?

Потомъ Шкляренко сдѣлался серьезенъ.

— Скидывай брошку; отдай мальчишкѣ! Скидывай усе. Айда на корабль — рожи мыть. Я имъ сволочамъ покажу, ихній коммунизмъ! До чего довели, а? Простите, православные, а мы это усе по новому справимъ!

И два друга, порывистые, темпераментные во всемъ — и въ бояхъ съ матросами угольщика и въ обсужденіи діадемъ и файфъ-о-клоковъ — помчались, какъ вихрь.

*

Балтійскій ледъ сковань на диво. Крѣпокъ. Ему не трудно и цѣлый полкъ выдержать.

А тутъ всего два человѣка.

Лежатъ на безкрайномъ ледяномъ полѣ.

Раскинулись они по богатырски: руки, ноги въ стороны, головы закинуты.

И оба голые до пояса. Это ужъ такой обычай матросскій: при такой дракѣ, которая должна быть послѣдней — и голландку и тѣльникъ сбрасываютъ... Потомъ, все равно, не надо, а драться куда способнѣй.

Лежать неразлучные благопріятели.

И у Никиты Шкляренко уже не румяна на щекѣ, а что-то потемнѣе и погуще.

И Бондарь украшенъ рубиновымъ знакомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, на груди, гдѣ раньше сверкала брошка.

Расплатились честно морячки и за румяна и за брошки.

Поработали — отдыхаютъ. Такой крѣпкій сонъ, что хоть сто склянокъ бей надъ ухомъ, и ухомъ не повернутъ. Потому стоятъ уже на другой вахтѣ...

*

Волна выслушала, вздохнула и, пересчитавъ камушки, какъ старуха — четки, когда молится за близкихъ покойниковъ, откатилась, удовлетворенная, въ океанъ.

СОВѢТСКІЙ УЧИТЕЛЬ.

Одинъ изъ многихъ.

1. Эпоха первая, 1895 годъ.

Маленькій мальчикъ Вася Усовъ сидѣлъ у себя въ дѣтской за старымъ видавшимъ виды столомъ, сплошь изрѣзаннымъ и залитымъ чернилами — и горько плакалъ.

— О чемъ ты? — спросила заглянувшая въ дѣтскую мать.

— Ничего не знаю.

— То есть... какъ это — ничего не знаешь?

— Да вотъ такъ-какъ есть рѣшительно ничего, ничегошеньки не знаю. По географіи. Все слова какія-то: Снта-фе-де-Богата. Гвада-лупа, Бабъ-эль-Мандебъ, изотерма, изохимена, меридіанъ...

— Бѣдный мой мальчикъ... Ну, можетъ быть, и выкрутишься какъ-нибудь... Учитель, глядишь, позабудетъ и не спроситъ.

— Не таковскій онъ. Пропала моя головушка.

Предчувствіе не обмануло Усова, Василія.

На урокѣ географіи учитель первыми дол-

гомъ вызвѣрился на Усова, какъ очковая змѣя на попугайчика:

— А ну, ты!.. Какъ тебя тамъ... Усовъ, что ли... хотя, братъ, тебѣ больше подходила бы фамилія — Безусовъ... Ну, вы тамъ... загрохотали, обрадовались. Тише тамъ! Разскажи мнѣ, Длинноусовъ, объ Изохименѣ.

— Слушаю-съ. Изохименой называется, которая, такое оно...

— Какое?

— Оно длинное...

— Такъ, такъ... Зеленый, длинный, виситъ въ гостиной. Дернешь — пищитъ.

Здорово ты знаешь, Черноусовъ. Еще разъ тебя спрашиваю: что такое Изохимена.

— Ящерица такая — съ энергіей отчаянія крикнулъ Усовъ Василій и даже зажмурился — будто въ черную пропасть прыгнулъ.

Безжалостный классъ снова загрохоталъ.

— Что ты говоришь? Какого же она цвѣта?

— Такая... желтенькая, съ крапинками.

— Что-жъ она... опасная?

— Ну, не очень.

— Ну, не скажи. Для тебя она очень опасна. Этакій маленькій звѣрекъ, а единицу въ зубахъ притащилъ. Впрочемъ, ты можешь поправиться. Экваторъ видѣлъ когда-нибудь?

— Не видѣлъ.

— Что же это ты такъ промахнулся? Почему не видѣлъ?

— Онъ же далеко. Онъ же въ Африкѣ.

— А здѣсь почему его нѣтъ?

— Онъ же водится въ жаркомъ климатѣ...

— Здорово, Усовъ, Усовъ! Какъ жалко, что и ты не водишься въ жаркомъ климатѣ. Былъ бы ты сейчасъ далеко отъ меня и не принуждалъ бы меня оставлять тебя безъ обѣда и писать записку родителямъ. Стать къ стѣнкѣ въ уголъ носомъ, пока я напишу записку родителямъ.

Пусть они тебя по экватору хорошенько настегаютъ.

*

Шесть часовъ вечера. Дома—знакомая, но тяжелая картина: отецъ бѣгаетъ по кабинету, хватаясь за голову, и стонетъ, такъ что сердце разрывается.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать!

Уже такой большой дуракъ, а изохимены не знаешь. Въ пастухи мнѣ теперь тебя отдавать, что-ли...

2. Эпоха вторая, 1922 годъ.

Преподаватель Московской совѣтской школы «Нормальсовмѣствобуч» Василій Капитоновичъ Усовъ передъ уходомъ на занятія сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и горько плакалъ.

— Что съ тобой, папа? — спросила заглянувшая въ кабинетъ десятилѣтняя дочь.

— Ничего не знаю, ничего не понимаю.

— Ну, напримѣръ.

— Очень меня жучатъ мальчишки. Такіе уроки задаютъ, что никакъ не выучишь. И слова все самыя непонятныя: «Уездземельком», «Деркамбед», «Реввоенсов», «Соввоенспец».

— Ну, авось сегодня не вызовутъ..

— Да, какъ-же, надѣйся. Мы, говорятъ, тебя выбрали всеобщимъ голосованіемъ въ учителя, и ты долженъ знать все на зубокъ. Все пугаютъ: не будешь знать, говорятъ, мы тебя безъ пайка оставимъ и записку домой твоимъ дѣтямъ напишемъ. Тебя-то, Оличка, я не боюсь, ты меня любишь и не тронешь пальцемъ, а сынъ, если узнаетъ, выпоретъ такъ, что до зеленыхъ вѣниковъ не забуду.

И предчувствіе не обмануло Усова.

Когда онъ вошелъ въ большую, холодную комнату «Нормальсовобуча», сначала на него никто не обратилъ вниманія: два мальчика, сидя верхомъ на кафедрѣ и болтая ногами, дружески угощали другъ друга доброй понюшкой кокаина; еще одинъ мальчикъ мирно завтракалъ бутербродомъ изъ конины, запивая его бутылкой мутнаго пива, прямо изъ горлышка. Двѣ дѣвочки грѣли на спиртовой машинкѣ щипцы и завивали другъ друга съ такой яростью, что запахъ паленаго волоса заглушалъ всѣ другіе запахи. Компанія изъ шести человѣкъ сгрудилась въ углу у окна, и оттуда неслись оживленные возгласы: «У меня семь очковъ, а у тебя. Ага. Жиръ. Ставлю еще пятьсотъ тысячъ. Четыре. Три. Очко деньги съѣло. Иду до банка».

— Кто сегодня дежуритъ? — робко озираясь, спросилъ Усовъ.

— А-а. Товарищъ Мокроусовъ, — пробормоталъ счастливый владѣлецъ пива, отрывая губы отъ горлышка. — Чего же вы опаздываете?

— Въ аптеку ходилъ, ей Богу, — совралъ Усовъ Василій. — Дочка больна.

— Вѣчныя отговорки. Ну что, приготовили урокъ? Или нѣтъ, какъ давеча, разнюнитесь.

— Кто сегодня дежуритъ? — переспросилъ Усовъ Василій, старясь замять непріятный разговоръ.

— Овсюковъ. Только его сегодня не будетъ. Пошелъ въ комиссаріатъ съ женой разводиться.

— Онъ вѣдь, кажется, позавчера разводился?

— Ну, что жъ такого. Позавчера съ одной разводился, сегодня съ другой, — разсудительно возразила дѣвочка, вертя на рукѣ раскаленные щипцы. — Послушайте, душка Усаковъ. Достаньте мнѣ денатурату для машинки, я васъ поцѣлую въ носикъ.

— Манька, — строго крикнулъ юноша, только что отправившій въ носъ очередную понюшку кокаина, — давно я тебя за косу не таскалъ... Ты у меня пококетничаешь.

— Товарищъ Усовъ! Покуримъ, что ли. Сахариномъ не интересуетесь? Могу предложить полтора кило франко сюда. А у меня, знаете, печальная новость: Катя сбѣжала. На какого-то латыша паршиваго промѣняла. Вотъ тебѣ и свободная школа, чортъ ее подери.

— Ну вы, шпана, — закричалъ, входя, дежурный Овсюковъ. — Разъ учитель пришелъ, не будемъ терять золотого времени. Спросимъ у него урокъ да и айда по домамъ. У насъ тутъ компашка въ «Тифлисъ» собирается. Товарищъ Усовъ, что вы сегодня готовили?

— Отношеніе «Деркомбедов» къ «Уеземелькому».

— Ну вотъ, вы намъ и разскажите объ этомъ. Ступайте на кафедру. Оттуда будете говорить. Порядка не знаете, что ли?

— Гм... кхе, кхе... Эти самые... «Деркомбеды» относятся къ «Уеземелькому» какъ низшій подвластный органъ, но въ случаѣ недоразумѣній всякій вопросъ вносится въ «Губсовнархозъ», который совмѣстно съ «Осотопомъ» и «Всеобучемъ».

— Съ кѣмъ? Съ кѣмъ?

— Я хотѣлъ сказать съ «Реввоенсовомъ»...

— Да вы знаете, что такое «Реввоенсовъ»?...

— Это такой... военный, который.

— Ну, что такое «Реввоенсовъ»? Можетъ быть, вы думаете, что это въ переводѣ: реветъ военный, какъ сова? Не гогочите вы, жеребцы... Ахъ Усовъ, Усовъ. Что намъ съ вами дѣлать?.. Ну, скажите намъ, каковы функціи «Ососовпатопа». Подчиненъ ли онъ... «Выссовпатопу» или нѣтъ?

— Нѣтъ, то есть да.

— Гм... «нѣтъ, то есть да». Ахъ, Длинноусовъ, Длинноусовъ... Опять придется вызывать вашихъ дѣтей въ ученическую — объясняться.

— Я старался... я училъ...

— Опять слезы. Пойдите, станьте къ стѣнкѣ, пока я вашимъ дѣтямъ записку напишу. Пусть хоть они васъ усовѣстятъ...

А дома была знакомая, но тяжелая сцена.

Двѣнадцатилѣтній сынишка Петька бѣгалъ по дѣтской, хватался за голову и стоналъ: — Ну, что я съ тобой буду дѣлать? До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а «Реввоенсова» не знаешь. Въ пастухи мнѣ тебя отдавать, что ли? — Дочь Оля подошла къ пригорюнившемуся отцу, погладила его по головѣ и сказала брату съ упрекомъ:

— Ну, что ты къ человѣку привязался. Сегодня не выучилъ, завтра выучитъ. Я сама съ нимъ позаймусь.

АРТИСТКА ОБРАЗЦА 1922 ГОДА.

Одна изъ многихъ.

Хорошенькая, изящная, какъ нарядная куколка, пѣвица придвинула къ себѣ ближе обсахаренные орѣхи и, облизывая обсахаренные пальчики, сказала:

— Наша Одесса — ужасный городъ! Посмотрѣли бы вы, какъ вели себя одесситы при большевикахъ!..

— А вы развѣ были тогда въ Одессѣ, при большевикахъ?

— Ну! — обиженно усмѣхнулась она съ непередаваемой, неподражаемой одесской интонаціей, придавъ этому слову изъ двухъ буквъ выраженіе цѣлой длинной фразы, смыслъ которой долженъ былъ значить:

— Неужели ты сомнѣвался, что я была въ Одессѣ, и что я, вмѣстѣ со всѣми, пережила всѣ тягчайшіе ужасы большевизма, и что я съ честью вышла изъ положенія, заслуживъ титулъ героини и ореолъ мученицы!..

Да... многое можетъ вложить настоящій одессить въ слово изъ двухъ буквъ.

— Что жъ... тяжело вамъ было тамъ?

— Мнѣ? Если бы я начала разсказывать обо всѣхъ моихъ страда... Передайте мнѣ эти тянучки... mercі! страданіяхъ, то въ цѣлую книгу не упишешь.

Она положила себѣ на голову бѣлую ручку съ отполированными ноготками и задумалась.

— Ахъ!.. Эти обыски, эти аресты...

— У васъ былъ обыскъ?!

— Не одинъ, а три. Положимъ, не у меня, а у моихъ сосѣдей, но все равно — тревожили и меня. Товарищъ предсѣдателя чрезвычайки заходитъ вдругъ ко мнѣ и проситъ бумаги и чернилъ, — они тамъ въ сосѣдней квартирѣ что-то писали... Ну, что было дѣлать — дала! Вѣдь мы тогда всѣ были совершенно безсильны.

А онъ смотритъ на меня и вдругъ говоритъ... благодарю васъ, мнѣ не хочется этого кекса... и говоритъ: «А я васъ знаю, вы очень хорошо поете!».

Понимаете — знаетъ меня! Я чуть въ обморокъ не упала...

Потомъ, въ чрезвычайкѣ уже я ему говорю...

— Неужели въ чрезвычайку васъ таскали?!

— Да, видите ли... Тамъ былъ какой-то концертъ — вотъ насъ артистовъ и заставили пѣть! Такой ужасъ! Револьверъ къ виску — и пой! Я тамъ, впрочемъ, большой успѣхъ имѣла — они, вообще, замѣчательно умѣютъ слушать. А

какъ апплодировали! Потомъ уже, сидя въ автомобилѣ съ товарищемъ предсѣдателя чрезвычайки...

— Все таки, значитъ, они были съ вами вѣжливы — назадъ отвозили.

— Нѣтъ, это не назадъ... Это, вообще, днемъ было. Я шла къ Робина, а онъ взялся меня подвезти. Шикарный у него автомобиль, знаете...

— Охота вамъ была съ большевикомъ ѣздить, — замѣтилъ я.

— А что подѣлаешь? Револьверъ къ виску — и катайся! Я ужъ потомъ и то говорила ему: «Вы, Миша, ужасный человѣкъ! Съ вами прямо страшно». А онъ засмѣялся, открылъ крышку рояля и говоритъ: «хотите — говоритъ — шашкой перерублю всѣ струны, а вамъ новый пришлю!».

— Неужели въ автомобилѣ рояль стоялъ? — изумился я.

— Въ какомъ автомобилѣ?!.. При чемъ тутъ автомобиль?.. Дома у меня, а не въ автомобилѣ.

— Неужели-же вы большевиковъ у себя дома принимали?

— А что подѣлаешь? Револьверъ къ виску и сидитъ и пьетъ чай до трехъ часовъ ночи!.. «Миша, — говорю я ему — ты меня компрометируешь»... Ахъ, столько страданій за эти нѣсколько мѣсяцевъ! Не поѣхать къ нимъ въ чрезвычайку неловко, — обидятся, а поѣдешь...

Впрочемъ, одинъ разъ очень смѣшной случай былъ. Присылаютъ они за мной автомобиль — огромный-преогромный, теряешся въ немъ, какъ пуговица въ карманѣ; плачу, а ѣду. Впрочемъ, единственный разъ я у нихъ и была. Пріѣзжаю... На столѣ столько наставлено, что глаза разбѣгаются! Преподносятъ мнѣ, представьте, преогромный букетъ розъ и мимозы...

— Неужели отъ большевиковъ букеты принимали? — съ упрекомъ замѣтилъ я.

— А что подѣлаешь?! Револьверъ къ виску и суютъ въ руку. И темно-фіолетовая лента — чудесное сочетаніе! Впрочемъ, я одинъ разъ у нихъ только и была. Спрашиваютъ: «Чего — говорятъ — сначала хотите выпить?». Я говорю: «Зубровки, той, что мы вчера пили». Посмотрѣли другъ на друга какъ-то странно, мнутся: «Да она — говорятъ — въ погребѣ». — «А вы принесите изъ погреба», — говорю я. «Неужели боитесь? Пойдите съ племянникомъ Саней (племянникъ мой тогда тоже со мной былъ — Саня) и принесите». Саня уже всталъ было, а они совсѣмъ переполошились. «Нельзя туда, въ тотъ погребъ!». — «Да почему?!». — «Оттуда — говорятъ — еще разстрѣлянные бандиты не убраны!.. Тамъ лежатъ». Нѣтъ, нѣтъ... Лучше эту розовенькую... Она, кажется, съ орѣхами!.. Да... такъ, понимаете, какой ужасъ: гдѣ эта зубровка стояла — разстрѣлянные бандиты лежатъ. Мы потомъ эту зубровку «бандитовкой» называли. Охъ, ужъ эта Одесса-ма-

ма... Вѣчно она что-нибудь выдумаетъ... ха-ха!.. Слушайте, отчего же вы не смѣетесь?..

— Спасибо. Я уже года два, какъ не смѣюсь.

Я всталъ, наклонилъ свое лицо къ ея розовому, разрумянившемуся личику и тихо спросилъ, глядя прямо ей въ глаза:

— Скажите, а они не могли подсунуть вамъ, вмѣсто бандитовки — офицеровку?

И я видѣлъ, какъ что-то, будто кипяткомъ, ошпарило ея птичій мозгъ.

Она заморгала глазами быстро-быстро и, отмахиваясь отъ чего-то невидимаго, жалобно прочирикала:

— Но они же револьверъ къ виску... Танцуешь у нихъ — и револьверъ у виска, пьешь — и револьверъ у виска... Не смотрите на меня такъ!

*

Разнообразный городъ Одесса.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Отъ автора 5
Мадамъ Ленина 7
Мадамъ Троцкая 12
Феликсъ Дзержинскій 18
Петерсъ 21
Максимъ Горькій 26
Ѳедоръ Шаляпинъ 31
Мартовъ и Абрамовичъ 38
Керенскій (Первый портретъ) 44
Керенскій (Второй портретъ) 51
Керенскій (Третій портретъ) 58
Балтійскій матросъ 65
Совѣтскій учитель 73
Артистка образца 1922 года 80